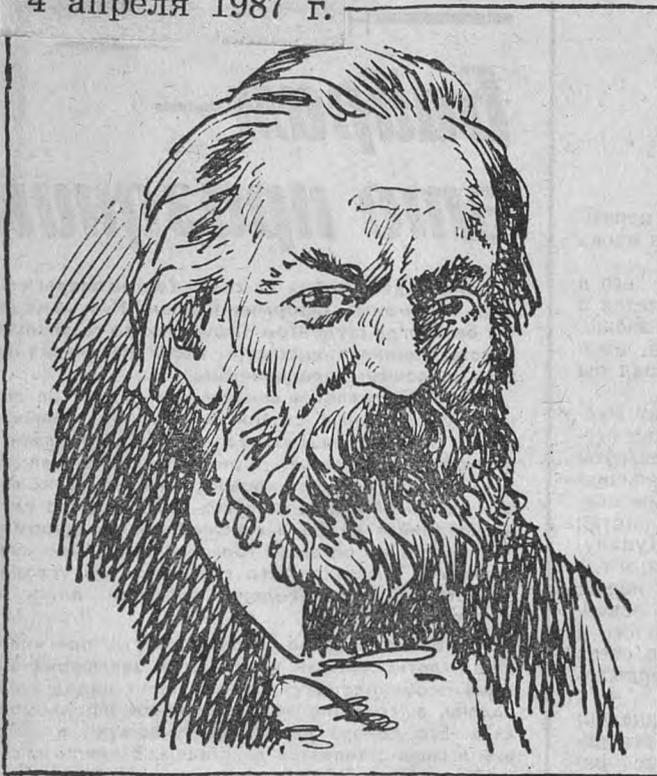

4 апреля 1987 г.

«Я люблю Москву, люблю ее за ее русский характер...»
А. ГЕРЦЕН.

Герцен в Москве

К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Горького. К юбилейным дням в комнате, где родился Герцен, развернута экспозиция, напоминающая нам о далеких днях трудного для России 1812 года.

Герцену было всего лишь несколько месяцев, когда Наполеон вступил в Москву. Население покидало столицу, зарево пожаров окрасило московское небо. Среди немногих москвичей, задержавшихся в Москве, оказался отец Герцена. Иван Алексеевич Яковлев, богатый вельможа, не торопился расстаться с привычными удобствами, все надеялся, что французов не пустят в Москву. Вскоре пожары добрались и до Тверского бульвара, и обитателям яковлевского дома пришлось прожить несколько дней под открытым небом на площади возле Страстного монастыря. Кормилица спрятала маленького Герцена у себя на груди под теплым полушубком...

В 1824 году отец Герцена купил дом на Старой Конюшенной, как называли тогда район узких запутанных переулков и тупиков между Пречистенкой и Арбатом. Здесь, в стороне от шума и суеты торговой Москвы, прошло детство Герцена. В этом доме впервые прочел он запрещенные стихи Пушкина и Рыльева, здесь узнал о событиях 14 декабря на Сенатской площади, здесь началась его дружба с Огаревым:

Старый дом, старый друг,
посетил я
Наконец, в запустеньи
тебя,
И бывое опять
воскресил я,
И печально смотрел
на тебя.

Вот и комнатка:
с другом, бывало,
Здесь мы жили
умом и душой.
Много дум золотых
возникло
В этой комнатке
прежней порой.

Так напишет Огарев, спустя много лет посетив «старый»

дом, уже проданный Яковлевым. В начале нашего века дом был радикально перестроен, и сейчас с трудом можно разглядеть его былые очертания. Но именно из этого дома однажды под вечер отправились друзья на прогулку на Воробьевы горы и, убежав вперед от взрослых, на крутом берегу Москвы-реки, глядя на раскинувшийся перед ними любимый город, принесли клятву пожертвовать своей жизнью на борьбу с крепостничеством и самодержавием.

Совсем неподалеку, на углу Малого Власевского переулка и Сивцева Вражка, сохранился дом под № 25, куда переехал Яковлев со своим семейством в конце двадцатых годов минувшего века.

Из этого дома, который называли «большой» дом, Герцен ежедневно отправлялся в университет. Пройдем и мы вместе с ним и стоим несколько минут в благоговении перед старинным университетским зданием, где теперь встретят нас памятники Герцену и Огареву, работы замечательного скульптора Н. А. Андреева, воздвигнутые по постановлению Совнаркома, принятому на заседании 17 января 1920 года под председательством В. И. Ленина.

Трудно переоценить значение Московского университета в развитии русской общественной мысли. Достаточно вспомнить, что одновременно с Герценом в университете учились Лермонтов и Белинский, Огарев и Станкевич. Вокруг Белинского группировался литературный кружок, где читали запрещенные стихи Пушкина и Рыльева, «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, слушали пьесу Белинского «Дмитрий Калинин», которую университетский цензор назвал «безнравственной и вредной» за ее антикрепостнический характер. В особняке на Малой Молчановке Лермонтов читал товарищам драму «Странный человек», в которой тоже обличается крепостное право. В мезонине в Большом Афа-

насьевском переулке собирался литературно-философский кружок Станкевича, раздавался его детский светлый смех, в глазах восторг, щеки пылали...

А совсем неподалеку дом у Никитских ворот—дом Огарева. В первом этаже была комната, оклеенная красными обоями с золотыми полосами. Здесь собирался кружок Герцена и Огарева (ныне в этом здании кинотеатр повторного фильма). Помню, как в середине 60-х годов, когда перевозили в Россию из Гринвича прах Огарева, проводила я долгие часы возле этого дома, ходила по залитому асфальтом двору (а когда-то тут был тенистый сад, где друзья проводили много времени в беседе), потом возвращалась на бульвар, смотрела сквозь ветки кустарника в окна первого этажа. И мне вдруг начинало казаться, что вижу их всех—Герцена, Огарева, Сатина, Кетчера, Сазонова, Пассека, Савича, собравшихся на пир дружбы, обмена идей, вдохновения.

А самодержавный сапог уже готовился раздавить их. В 1834 году, едва окончив университет, Герцен и Огарев были арестованы.

Наступила долгая разлука с Москвой, потянулись годы ссылки — Пермь, Вятка, Владимир, Новгород... Лишь в июле 1842 года Герцену было разрешено вернуться в Москву под гласный надзор полиции. Осенью 1843 года семья Герцена поселяется в доме № 27 по Сивцеву Вражку, купленном для него отцом рядом со своим домом. Десять окон по фасаду, вход со двора, по деревянному крыльцу. В нижних комнатах расположилась Наталья Александровна с детьми, мезонин, куда вела крутая лестница, занял Герцен, здесь было тихо.

В этом скромном домике, где в 1976 году был открыт Дом-музей А. И. Герцена, прошли лучшие годы его московской жизни. Здесь им написаны главные произведения, появившиеся на свет до его отъезда за

границу: повести «Сорока-воровка», «Доктор Крупов», роман «Кто виноват?», ряд блестящих статей: «Дилетантизм в науке», «Письма об изучении природы», являющиеся ныне гордостью русской литературы и философии.

Вскоре этот дом становится местом собраний герценовского кружка сороковых годов, объединившего передовых деятелей русской культуры того времени: писателей, ученых, художников, артистов. Прочитанная новая книга, театральные спектакли, политическое событие — все здесь горячо обсуждалось сообща. Здесь звучали голоса Грановского и Корша, Кетчера и Белинского, сюда приходили Тургенев и Некрасов.

Есть у москвичей давняя мечта: чтобы выехали из яковлевского дома (Сивцев Вражек, 25) арендующие его учреждения и дом был бы передан Государственному литературному музею, для того чтобы стало возможно открыть там музей Москвы 40-х годов XIX века, являющихся одной из самых прекрасных страниц истории духовной жизни нашей столицы. Это стало бы достойным продолжением Музея Герцена, ибо его жизнь была неотделимой частью идейной жизни Москвы тех лет, исполненной многих значительных событий. Ведь именно в эти годы Москва упиалась лекциями Грановского, в эти годы развернулась острая борьба западников и славянофилов.

...На станцию Черная Грязь приехала я в конце января. Именно в эти дни, 19 января 1847 года, здесь друзья провожали Герцена. После долгих хлопот ему удалось добиться разрешения на поездку за границу для лечения жены.

Выйдя из машины, я ушла от своих спутников, чтобы никто не мог помешать моей встрече с прошлым. В XVIII—XIX веках в Черной Грязи была первая почтовая (перекладная) станция на тракте Москва—Петербург. Здесь наблюдал Радищев мрачную картину «свадь-

бы поневоле». Здесь обстановка ливалась Пушкин. Когда была построена железная дорога Москва—Петербург, станция потеряла свое значение, и ее здание забрали под земскую больницу. В 1942 году в двухэтажное здание попала бомба, оно было частично разрушено, но сейчас полностью восстановлено.

Я ходила по двору, разглядывала узкие больничные окна, пристройки — бывшие конюшни и каретники, стараясь угадать, где и что происходило... Синие снега стлались за больницей, виднелась темная кромка леса. Вдруг старая кракшастая липа словно позвала меня, ее ветви, каждая толщиной со ствол, тянулись ко мне. Я обошла липу, прислонилась к стволу так, чтобы не видно было шоссе и бесконечных автомобилей. Тишина. Проскрипели по снегу чьи-то шаги, и мне показалось, что я слышу звон бубенцов, визг полозьев, громкие возгласы...

...Провожали Герцена на десяти тройках. Стол накрыли в гостинице в двух больших комнатах. Ямщики дивились: «Да так только царей провожают!».

Нет, они не знали, что провожают Герцена навсегда. Желали доброго пути и счастливого возвращения. Уже совсем стемнело, когда стали садиться. Герцен крепко обнял Грановского, тот молча смотрел на него, слов не было.

Рванули лошади. «Прощайте!» — заредело в морозном воздухе. Заскрипели полозья, зазвенели бубенцы. Прощай, Россия!

Николай I запретил Герцену въезд в Россию. Но до конца жизни не покидала его мечта о возвращении на родину, в Москву. «Когда же мы с Вами на старости лет сядем у печки в Старой Конюшенной?» — с тоской спрашивал он в письме верного друга семьи М. К. Рейхель. Мечте его сбыться было не суждено — Герцен скончался в Париже в 1870 году. Но слово его звучало в России, призывая народ к борьбе за свободу. «Чествуя Герцена, пролетариат учится на его примере великому значению революционной теории; — учится понимать, что беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посеянные от жатвы...» — писал Владимир Ильич Ленин.

Лидия ЛИБЕДИНСКАЯ.

● А. И. Герцен.
Рисунок В. Панова.

● Московский университет.
Литография XIX в.

● Интерьер в Доме-музее А. И. Герцена.

● Дом на Тверском бульваре, в котором родился Герцен.

